

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА

Тайный сыск царя Гороха

Андрей Белянин

Тайный сыск царя Гороха

«Автор»

1999

Белянин А. О.

Тайный сыск царя Гороха / А. О. Белянин — «Автор»,
1999 — (Тайный сыск царя Гороха)

Оба романа известного российского писателя Андрея Белянина «Тайный сыск царя Гороха» и «Заговор Черной Мессы» объединены одним героем — младшим лейтенантом милиции Никитой Ивановичем Ивашовым. Волею судьбы или случая Никита Иванович оказывается во времена царя Гороха, где ему поручается должность сыскного воеводы, а отделение милиции под его руководством расквартировывают в тереме Бабы Яги. Ох и нелегка работа милицейская! А уж при царе Горохе тем более...

© Белянин А. О., 1999

© Автор, 1999

Андрей Белянин

Тайный сыск царя Гороха

– Встать, суд идет!

В душном помещении находится всего несколько человек: подсудимый с конвоирами, двое свидетелей, молодой участковый, адвокат, прокурор плюс два практиканта из Саратовского юридического университета. Дело будничное и скучное.

«Гражданин Д., находясь в нетрезвом состоянии, влез по пожарной лестнице в окно квартиры гражданки М., каковая в это время ушла в магазин за хлебом. Д. взял из квартиры деньги в размере 48 рублей и ценные вещи, как то: магнитофон „Маяк“ 1967 г. выпуска, телефонный аппарат, четыре фужера хрустальных, вазу для цветов деревянную, с росписью под Хохлому, завязал все это в скатерть и пытался совершить кражу. Но, сбегая по лестнице, поскользнулся, упал и сломал ногу. Вышедшие на шум соседи вызвали наряд милиции, которая и доставила похитителя в отделение, где ему была оказана необходимая медицинская помощь. От признания себя виновным гражданин Д. отказывается, ссылаясь на то, что был пьян.

Материалы по делу предоставлены участковым Серпуховского отделения милиции г. Москва.

Доклад составлен младшим лейтенантом Ивашовым Н.И.».

Суд выносит приговор, осуждая виновного по статье № 158 «Кража со взломом» к лишению свободы сроком на четыре года с отбыванием наказания в колонии обычного режима. Подсудимый вскакивает с места и кричит: – Не виноватый я! Бес попутал...

– Ку-ка-ре-ку!

Опять тот же сон... Что за напасть? Третий раз за последнюю неделю. Никак не могу толком выспаться... Это было мое первое дело. Особо я себя ничем тогда не проявил, запомнилось лишь потому, что первое и... последнее – в том мире. А солнце уже пробилось сквозь ставни терема и теплым лучом щекотало ресницы. Не хочу вставать...

– Ку-ка-ре-ку!

Уф... убью я этого петуха. Сегодня же скажу Яге, чтобы она из него суп сварила. Никакого сострадания к работникам милиции – будит, зараза, в пять утра!

– Никитушка-а...

Ну вот, легка на помине!.. Сейчас скажет, чтоб я, касатик, вставал, что завтрак на столе, что бумаги царевы еще с вечера не разобраны, и пошло-поехало... В гроб она меня вгонит своей заботой.

– Никитушка... Вставай, касатик, завтрак уже на столе. Самовар кипит, блинчики горячие, а я сметанку из погреба достала. А то ведь сам знаешь, бумаги-то царевы со вчерашнего не разобраны лежат. Нехорошо... А то ить, как осерчает царь-батюшка, он у нас на расправу крут, ведь не сносить тебе головы, сокол ты наш ясный.

– Ох, бабуля... – Я сладко потянулся под пестрым лоскутным одеялом. – Что ж ты меня с утра пораньше, да все запугиваешь? У нашего Гороха на все царство-государство только один младший лейтенант милиции. Не будет меня, кто здесь еще работать станет?

– И не говори, голубчик, окромя тебя-то уж точно некому, – любезно поддержала меня Баба Яга, но линию своюгнула твердо: – А ты все равно вставай. Чай, не забыл, что Гришка с Никишкой с вечера в порубе сидят, твоего разбирательства дожидаются.

Вот так... Не мытьем, так катаньем, но бабка своего добьется. Да я и спорю-то больше для проформы. Ясное дело, что поспать больше все равно не удастся. Ладно, пойду съем чего

там наготовили и – за дела. Никишка с Гришкой – это два лопуха из соседней Подберезовки. Вчера упились медом у ярыжки – и давай прохожих задирать. Народец здесь не трусливый, повязали охламонов да к нам в холодную. Ну, ночку они в порубе провели, протрезвели, образумились. Выпускать их надо к лешему, Митяй обоим по затылку даст и на свободу с чистой совестью. Я встал, распахнул окно, сделал несколько коротких гимнастических упражнений. Хорошо!.. Умылся в лохани, снял с гвоздя чистое полотенце, вышитое крестиком, вытерся, натянул форму и спустился вниз. Моя домохозяйка хлопотала у широкого стола. На белой скатерти был приготовлен настоящий пир – здоровенная гора блинов, две миски – с медом и сметаной, клюква моченая в туюске, парное молоко в крынке и непременно самовар.

– Ну, бабуся, ты у меня просто прелесть! – Я чмокнул старушку в щеку и бухнулся на скамью. – Сейчас поем, а потом быстро за дела. Митяй еще не подошел?

– Как не подошел, касатик? Он еще до петухов на завалинке сидел, все тебя дожидался.

– Буду... скоро буду... – прочавкал я.

Яга присела на табуреточку у печки, не сводя с меня умиленного взгляда. Должен признать, что царь проявил редкую проницательность, поселив меня на квартиру именно к Бабе Яге. Старуха давно скучала одна, замужем не была сроду, ни детей, ни плетей – вот и изливала на мою скромную особу весь запас нерастраченной материнской нежности. К тому же в деле сыска была просто бесценным информатором. Откуда что знала – ума не приложу...

– Никитушка... Я вот все спросить хочу, а почему ты каждое утро к столу при всем параде выходишь, а?

– Не при всем... китель и фуражка остались в сенях. А форма нужна для солидности. Ты ж знаешь царских гонцов – ни свет ни заря все ломаются со своими депешами. Не могу же я их в рубахе да подштаниках встречать? Уважать перестанут.

Я врал. Просто милицейская форма – это то немногое, что еще связывало меня с моим миром. Уже почти два месяца, как я заброшен в сказочную страну, неизвестно какое царство-государство, и несу привычную службу по охране закона и порядка. Живу в столице, большом по здешним меркам городе, под названием Лукошкино. Правит им царь Горох. Крепкий неглупый мужик с густой бородой и прогрессивным взглядом на жизнь. Когда он узнал, кто я и чем занимаюсь, то сразу же предложил создать столичное управление милиции, а меня назначил туда воеводой. Правда, воеводствовать мне особенно не над кем. Вон разве что Митяй... Этого парня мне дали в нагрузку, попросили пристроить к делу. Сам он из деревенских, двадцати трех лет от роду, росту в два метра да в плечах полтора, силища немереная, храбрости хоть отбавляй, единственное, чего нет – так это ума. Во всем прочем – отличный исполнитель и слушается меня, как родную маму.

– Никитушка, – прервала мои воспоминания бабка, быстрым шагом семеня к окну, – а ты ить прав был, вон они, настырники, едут! Видать, у царя опять случилось чего. Ох-ох-ох, дела наши грешные... И поесть-то спокойно не дадут.

– Ладно... – Я отодвинул миску с медом. – Бабуль, сделай мне по-быстрому стаканчик чаю, а там уж так и быть, пусть войдут.

Из-за окна раздался нестройный шум голосов:

– А ну пропусти, сиволапый! У нас цареве дело.

– Обождет, – невозмутимо отвечал бас верного Митяя, – батюшка воевода милиции еще завтракать изволят.

– Так ты, деревенщина, нам еще указывать будешь? Батогов захотел?!

Разговор оборвался после двух глухих ударов. Я привстал на скамье – обычно с таким звуком падает тело.

– Спаси и сохрани... – засуетилась Яга, вновь подбегая к окошку, – уж не убил ли он их, горемычных? Нет... Вон к колодцу тащит, у сруба положил, щас водой обольет. Глянь-кось, Никитушка, зашевелились!

– Пойду я. Спасибо за хлеб-соль, хозяйюшка. Как ни верти, а придется за дело браться. Да, а что у нас на обед?

– Пирог с визигой.

– М-м... замечательно! Прибереги, если буду задерживаться. Мне сегодня жалованье получать.

– Ты уж деньги-то, милок, суй за пазуху подальше, украдут, не ровен час...

– У лейтенанта милиции? Не смейся, старушка! – Быстро захватив в сенях китель и фуражку, я вышел на крыльцо.

– Здравствуйте, батюшка.

– Здорово, Митяй. Кого это ты там поливаешь?

– Да вон холопы царские. Твою милость видеть хотели. Уж я уговаривал, объяснял, мол, воевода кушать изволит, а они, неслухи, ни в какую! Вынь да положь, а не то, говорят, терем разнесем! Ну, уж я так и эдак, и по-хорошему, и с поклонами...

– Брехло ты, Митька, – удовлетворенно крикнул я. – Ладно, поплескай еще, пусть скажут, зачем пожаловали.

Мой напарник от щедрой души вылил по полному ведру воды на каждого. Нарядные гонцы походили теперь на свиней, блаженствующих в луже.

– А... ап... смилуйся, батюшка! Отзови ты, Христа ради, своего ирода. Мы ж по делу...

– Вежливость – превыше всего! – наставительно отметил я. – Вон на воротах расписание висит: прием граждан с 9.00. А сейчас не более половины седьмого. Чего ради волну гнать?

– Так ведь спешное дело, государево, – приподнялся один, а другой так и сидел, раскрыв рот и проверяя пальцем сохранность каждого зуба. – Царь наш просит тебя немедленно во дворец идти, у них в казне большая покража обнаружилась. Мало три сотни золотых червонцев как корова языком слизнула!

– Ну, уж корова-то здесь точно ни при чем, – буркнул я.

Третья кража за две недели. Предыдущие были не так заметны, и царь не давал им огласки, думая, что сам засунул куда-нибудь свои ключи и перстень с хризопразом. Значит, допекло-таки его величество...

– Эй, Митяй! Запрягай кобылу, опергруппа, на выезд!

Царский терем был огромен – четыре этажа! В городе, где основная масса изб вообще едва видна от земли, это впечатляло. Дождя, слава богу, давно не было, дорога сухая, и мы добрались сравнительно быстро. Можно было бы и еще быстрее, если верхами, но в здешних краях престиж превыше всего. Как человека, облеченного властью, по вызову батюшки-царя меня всегда доставляли на телеге со специальным подобием кресла. Это мы с Митяем к табуретке спинку приколотили, укутали соломой, прикрыли ковром – получилось не хуже трона. Крестьяне и ремесленники при виде меня, гордо восседавшего на телеге с таким диковинным сиденьем, снимали шапки, кланялись и крестились. У ворот, путаясь под ногами у невозмутимой стражи, суеился думный дьяк Филимон. Обычно он и отсчитывал мне десять червонцев в месяц, по три раза проверяя и норовя подсунуть старые, затертые. Дьяк был худ, высок, имел бегающие глазки, козлиную бородку и сварливый нрав.

– Где ж тебя черти-то стоко времени носят?! – накинулся он, даже не дожидаясь, пока я слезу.

– А где ваше «Здравствуйте, товарищ участковый»?

– Ну, здравствуй, здравствуй, сыскной воевода. Государь уж истомился весь, кричит, ногами топает, а тебя нет как нет!

– Вы не одни, вызовов полно, людей на все дела не хватает... – привычно забубнил я, но Филимона на мякине не проведешь.

– Хитер ты больно, лейтенант. Гляди, доведешь батюшку – повисишь денек на дыбе, поумнееешь!

При случае обязательно дам ему в глаз, но сейчас не время и не место. Мы поднялись по ступенькам наверх. Царь ждал меня в главном зале на третьем этаже. Когда мы вошли, он мерил комнату шагами от окна до окна.

– Заходи, Никита Иванович... Жду тебя. А ты пошел вон.

– Но батюшка... а как же... кто ж слова твои мудрые записывать будет? Не ровен час, какое слово и утерается.

– Пошел вон! – рявкнул государь, замахиваясь на дьяка скипетром, но тот успел выкатиться за дверь.

Да, настроение у его величества не очень. Горох в таком состоянии действительно крутоват и скор на расправу.

– Ограбили меня, – глухо пожаловался он.

– Слышал. Давайте по порядку. – Я присел на скамью и раскрыл планшетку. – Какие ценности пропали?

– А ты не знаешь?!

– Слушайте, кто из нас двоих следователь – вы или я?! – Еще в школе милиции нам вдалбливали в головы – все под запись, все как положено, отчетность и еще раз отчетность. – Спрашиваю второй раз, что пропало?

– Перстень с хризопразом золотой, персидской работы. Сундучок дубовый, уголки да крышка железом резным обиты, в нем монет сотни на три, а то и больше... – пустился перечислять царь.

– Минуточку, гражданин! Помнится, на прошлой неделе у вас якобы пропали ключи?

– Ключи-то нашлись, под кроватью у меня валялись, а вот прочего нет.

– Все ясно. Кого подозреваете?

– Да всех! – разгорячился государь. – Ежели ты эту пропажу не найдешь, я тут всю челядь на кол пересажаю! А тебе велю голову отрубить, чтоб впредь не врал, будто воров ловить учен был.

– Ну, вы не очень-то... Милицейское управление лучше бы на ноги поставили, а то орете тут! Кто мне под начало тридцать стрельцов обещал? Кто божился ночное конное патрулирование финансировать? А матерьяльная база? Две кобылы да телега! Из всей сыскной бригады – один Митяй. Ну не разорваться же нам обоим!

– Ладно... не сердчай, – отошел Горох, но тут же стукнул кулаком по подоконнику: – А воров все ж таки найди!

– Найду, найду... куда они денутся. Где сундук-то стоял?

– Ясно где – в подвалах, где и прочая казна хранится.

– Мне надо осмотреть место преступления. – Захлопнув планшетку, я поднялся и кивнул царю: – Прошу следовать за мной.

Мы спустились в подвалы. Вход охраняла стража из четырех сменных стрельцов, однозначно утверждавших, что никто из посторонних к государевой казне близко не подходил. Знакомая картинка... Никто ничего не видел, не слышал и вообще не знает, о чем речь. Пока царь доставал ключи, я внимательно осмотрел здоровенные замки. Никаких следов взлома, если и открывали, то не самодельной отмычкой, а родными ключами. Петли, скобы, кованые гвозди – все настолько надежно, что хоть взрывай, одной фомкой никак не взять. Царь наконец отпер дверь, и мы вошли внутрь. Двое шагнувших следом стрельцов зажгли свечи в высоких подсвечниках. Сравнительно небольшое помещение оказалось чуть ли не под потолок заставлено сундуками, коробами да бочками.

– Тут весь запас – золотой, серебряный и медный. Каменья самоцветные в другом месте держу. Вещи из злата-серебра – тоже.

– А-а, тут, значит, у нас только монеты?

– Только они, – подтвердил государь.

– Это правильно. Личные сбережения нельзя держать в одном месте. Вот еще, кто имеет постоянный допуск к золоту?

– Я, боярин Мышкин, казначей Тюрю да дьяк Филимон. Ах, вот оно что, – внезапно догадался Горох. – Вот, значит, о ком ты речь-то вел?.. Кого подозреваю, говоришь? Зело умен ты, воевода участковый. Сей же час всех троих на дыбу!

– Э-э-э... Ничего подобного я не говорил! – завопил я, потому как с него станется. С какой скоростью царские палачи выбивают «добровольное признание», не снилось ни одному журналисту, пишущему о беспределе во внутренних органах. – Совсем наоборот. Если сейчас мы арестуем пару невинных, вор успокоится и ляжет на дно. А я хочу, чтобы он от неизвестности занервничал, запаниковал, начал совершать ошибки и выдал себя с поличным.

– Мудрено... На дыбе-то оно побыстрее да понадежней.

– Слушайте, у вас тут есть хоть какое-то понятие о презумпции невиновности?

– Будь по-твоему! – решил государь. – Вот тебе срок – ровно неделя. Сыщи вора! Награжу шубой с плеча и на конную милицию отсыплю. Ну а не сыщешь, так и не взыщи: твоя спина – мой кнут.

Я молча пожал плечами. А что делать? В данной ситуации спорить не приходится... Царь на то и царь, что в любом случае прав.

– Пусть вечером ко мне в управление зайдут все трое. Повестки передать или сами явятся?

– Явятся, куда ж им деться, – многозначительно пообещал царь Горох. – А не пойдут, приведут поневоле!

Домой ехали не торопясь, в размышлении...

– Чегой-то не пойму я, батюшка, ежели, как ты сказал, замки-то не тронуты, у дверей стрельцы с оружием – как же цельный сундук с деньгами уплыл? Нет... Тут дело нечистое, без колдовства не обошлось!

– Наличие элементов колдовства еще доказать надо. Наша с тобой задача – следовать фактам. Факты – штука серьезная, бескомпромиссная, и с ними не поспоришь. А колдовство... Знал бы ты, какие суммы исчезали в наших финансовых пирамидах без всякой магии... Будем действовать по правилам. Надо выяснить, кто конкретно отвечал за подбор охраны, пусть он проверит своих людей. Завтра же еще раз обследовать весь подвал. Там этих сундуков выше крыши! Может быть, еще чего-нибудь пропало, просто в глаза не бросается. Да, сейчас отвезешь меня домой, а сам дуй на базар, бабка длинный список составила – где чего купить. А вечером пойдешь в кабак...

– Благодарствую, воевода-батюшка! – радостно осклабился парень, но я его несколько приспустил с голубых небес на грешную землю:

– Ты смотри у меня! Пей, да знай меру... Если опять на бровях придешь – в поруб посажу, он себя как медвытрезвитель лихо оправдывает. Помни – не просто идешь, а по заданию.

– Вот те крест, не подведу! А тока ежели в кабаке не пить, то какого же рожна мне там делать?

– Ну а ты походи, поприглядывайся, поприслушивайся. Надо выяснить, что об царской краже в народе известно. Что люди болтают. Если вор неопытный – он деньгами сорить начнет, сообщники тоже этим отличаются, может, кто чего спьяну и сболтнет...

– Понял, батюшка. Все как есть исполню, не извольте сомневаться. А ну, пошла! Пошла, залетная!.. Эгей!

Рыжая кобыла пустилась тряской рысью. Митька явно обрадовался заданию. Филерской школы у парня никакой, но учиться надо. Пока еще здесь удастся наладить агентурную сеть... Работаем с чем приходится.

Моя хозяйка ждала у окошка. Увидев нас, всплеснула руками и скрылась в дому. Держу пари, побежала доставать пироги из печки. Я выдал Митьке один золотой червонец (да разве нормальный человек забудет получить у думного дьяка свой кровный оклад?), еще раз наказал, чего купить, и отправил на базар. Бабка покормит его по возвращении. Именно Яга настояла на том, чтобы мы ели отдельно: я в горнице, он в сенях, где и спал. Зазорно-де воеводе сыскному со своими же холопьями за одним столом сидеть. Уважать не станут. Я махнул рукой – за те два месяца, что здесь живу, знаю – старуха плохого не посоветует!

– Ну, заходи, мила-ай... Снимай ботинки свои чудные, запылились небось. Я вон шлепки тебе новые связала. Обед на столе, банька греется...

– Ладно, ладно, и так все расскажу. Времени в обрез, к вечеру царь в управление подзреваемых придет. С чем пироги-то?

– А с визигой, как поутру и договаривались. Ты уж садись, касатик, да ешь, вон бледный какой...

Я ополоснул руки и сел за стол. Ну, да тут и кроме пирогов всего полно. Бабка кормит меня как на убой. Люди поговаривали, будто она в столице лишь последние лет десять живет, а до этого в лесу разбойничала. Не знаю... Все возможно. Возраст я у нее не спрашивал, женщина все-таки. Внешне вполне соответствует своему имени – горбата, нос крючком, зубы острые, желтые, на ногу прихрамывает, один глаз голубой, другой фиолетовый. В сенях ступа с помелом, по терему черный кот разгуливает... Да нормально все! Здесь все такие. В лесах лешие, в болотах кикиморы, в речках русалки, а люди живут себе... Я ведь тоже не забиваю этим голову, много думать вредно. У меня моя работа, стабильная зарплата, все льготы, какие захочу, отчего же не жить? Телевизора не хватает...

– Да, тяжелая твоя служба, – сочувственно вздохнула Яга, когда я по ходу разборки с пирогами в общих чертах разъяснил суть дела. – Чем могу – помогу, но ты уж от меня много не жди – годы не те...

– Бабуля, ты у меня в любом возрасте просто прелесть! Вот Митяй из кабака вернется, мы это жулье быстро переловим. Руки за спину, наручники, телогреечку с номером – и, как водится, по этапу...

– Уморишь ты меня, касатик, – расхихикалась бабка. – Да ты ешь, ешь, а меня слушать и с пирогом во рту можно. Я, слышь-ко, че тебе предлагаю... Как будешь этих троих на допрос вызывать, ты меня-то из горницы не гони. Я вон в уголке незаметно посижу, носки вязать стану, а сама слушать да примечать. Как кто врать-то начнет, я это враз угляжу! У меня на мужиковскую брехню глаз наметанный...

Я только головой покачал. Да пусть сидит, жалко, что ли? Дело, по первому взгляду, не представлялось слишком сложным. Не много народу могло войти в царское денежное хранилище. Сбежать из города с деньгами практически невозможно: прежде чем послать за мной, Горох повелел закрыть ворота. Украсть и закопать? Не вижу смысла.

Мне почему-то казалось, что вор обязательно проявит себя. А пока я намеревался вести следствие, как нас обучали в школе милиции. То есть начать с вызова и опроса лиц, имеющих доступ к ограбленному объекту.

В назначенное время у наших ворот появились все. Если бы только те, кого я ждал...

Ох, елки зеленые! Дьяка Филимона сопровождало трое стрельцов с бердышами на изготовку. Казначей Тюрятин рыдал в обнимку с женой и вопящими детьми. Боярин Мышкин так вообще умудрился приволоочь за собой все подворье, жену, ребятишек, престарелых родителей, близкую и дальнюю родню, холопов, бабок, нянек – всех, от последнего служки до первого пастуха. Вой стоял – хоть уши затыкай! За всю мою практику ничего подобного не было.

Они же все трое как на казнь собрались. Небось и рубахи чистые надели, и в церковь сходили, и завещание огласили, и милостыню нищим раздали... А на воротах наших уже сидел повсеместно известный юродивый Гришенька, в драной рубахе и с полупудовым крестом на шее, восторженно болтая босыми ногами:

– Вот и суд ваш, кровопийцы! Ужо покажет вам участковый... Никитка-то, он на правееж ох как скор! На сажень в землю видит, за версту вора чует. Довольно вам бога гневить, пора и ответ держать!

Толпа откликалась на его митинговые лозунги новыми взрывами стонов и рыданий.

– Гришенька! Смилуйся, помолись перед Господом за нас, грешных, – голосили бабы.

Я начал несколько нервничать. Баба Яга поняла мое состояние с полувзгляда и, быстро убрав со стола, кряхтя, направилась к двери.

– Всех сразу звать али по старшинству?

– Давай по старшинству, – подумав, кивнул я.

Пусть этот противный дьяк помучается в ожидании...

Не знаю, что им там сказала Яга, но крики за окнами стихли так резко, словно всем рты позатыкало. Минуту спустя бабка впустила в горницу дородного бородатого мужчину в дорогих одеждах и высокой бобровой шапке.

– Садитесь, гражданин.

Боярин остался стоять у входа, сверля меня суровым взглядом. Старуха незаметно отплыла в сторону и устроилась в уголке за печью с вязаньем. Я положил на стол планшетку, достал авторучку и приступил к планомерному допросу.

– Гражданин Мышкин?

– Бояре мы, – прогудел мужчина.

– Пройдите и сядьте! – повысил голос я. – Пока мы с вами просто беседуем. Не устраивает – можем продолжить в пыточной у Гороха. Я слышал, тамошние палачи – мастера своего дела.

Мышкин вздохнул, хлюпнул носом, подошел и осторожно сел на скамью напротив.

– Продолжим следствие. Ваше имя, отчество, год рождения?

– Афанасий, сын Федоров. Когда родился – не ведаю, про то у попа в книге записано, а нам знать без надобности.

– Ладно, уточним у отца Кондрата, – пометил я. – Что думаете о краже в царской казне?

– А чего ж тут думать? Мы к тому непричастны. Казна, она большая, ежели кто чего слегка и прихватил, так ведь на то и колодец, чтобы пить.

– Ну, если понемногу, то, может быть, и действительно не так заметно. Но в этом случае подобные действия трактуются как «планомерное расхищение государственной собственности». Мы же имеем дело с конкретной кражей. Три сундука с золотом...

– Чего ж это – три?! – аж подпрыгнул Мышкин. – Откуда три-то взялось? Один сундучок всего и был! Неча напраслину на людей возводить...

– А вы откуда знаете, что украден именно один и что именно сундучок, а не ларец, не мешок, не бочонок? – ласково полюбопытствовал я.

– Так ведь... это... все вон знают! Ты любого в городе спроси – он те сразу скажет. Земля-то, она слухом полнится.

– Допустим... Ну, а вот лично вы чем занимались весь вчерашний день?

– Дык... как же... упомнишь тут... – насупился боярин, запуская обе руки в бороду, словно ловя там кого-то. – Спал да ел, по хозяйству холопам дела распределял, во дворец после обеда закахивал, в баньку под вечер, ну и ужин с осетринкой, поросенок с кашей, пироги с ягодой, меду немного...

– Достаточно. А в подвалы, где казна хранится, заходили?

– Нет! Как можно! Не был я там!

– А почему, собственно, нет? Царь Горох утверждал, что вы относитесь к лицам, имеющим допуск в хранилище.

– Бываю там, верно, но редко бываю... Моя служба – стрельцов у входа ставить. Чтоб глядели в оба! А внутрь я не захожу. Что я там, денег не видел?

– Ясно. Значит, вы отвечаете за охрану объекта. Что ж... должен вас огорчить. Раз уж произошла кража, то, найдем мы вора или нет, в любом случае выговор за халатность вам обеспечен.

– Избавь от гнева царского, батюшка сыскной воевода! – неожиданно рухнул на колени перепуганный боярин. – Вовек твоей услуги не забуду. Неповинен, неповинен я! Не губи душу, отпусти на покаяние!

– Встаньте! Сейчас же встаньте, Афанасий Федорович! – вскочил я. – Люди войти могут, а вы тут на коленях ползаете. Что за манеры? Вы в милиции, а не в храме. Встаньте!

– Не губи... В доме семеро по лавкам, жена восьмым брюхатая! – продолжал изливаться Мышкин, не обращая никакого внимания на мои попытки его поднять.

Баба Яга бросила вязанье и поковыляла на помощь.

Боярин надрывался всюду:

– И здоровье не то уже... Почитай, что ни день, то сердце ломит! Сынков-то два всего, остальные дочки. Им расти, а мне приданое готовить. А как засадит государь в острог, кто их, сиротиночек, замуж-то возьмет?! Не губи, воевода! Христом Богом молю!..

Как мы его в дверь вытолкали – ума не приложу... Японский городской! Если тут каждый будет устраивать подобную истерику, никаких нервов не хватит. А потом говорят, милиция не сострадает гражданам... Ну, вот посострадайте такому – он из вас веревки вить начнет, а воровать не перестанет. Я выглянул в окно. Боярин Мышкин, рыча, понараздавал оплеух дождавшимся слугам, с трудом взгромоздился на коня и с довольной рожей отправился домой. Толпа родственников, славя Бога и распевая песни, двинулась следом.

– Ну, что скажет наш детектор лжи?

– Врун он, батюшка, – твердо объявила Яга. – Да и трус в придачу. Ты бы проверил еще разок, чего он там наплел.

– Это я и сам мог сообразить. Есть в его болтовне пара несостыковочек... Я-то, признаться, думал, что ты, старая, мне сразу на вора укажешь.

– Так я тебе и укажу – вор он! – подтвердила бабка. – Хоть мою голову на плаху клади, а таскал он золотишко из казны. Вот только он ли сундук уволок – о том не ведаю...

– Значит, будем проверять остальных. Казначей у нас за что отвечает?

– Как? А деньги принять, посчитать, разделить, кому в долг, кому на дело, какие налоги где, кто принес, сколько – все казне прибыток.

– Понял. Говоря проще – бухгалтер-экономист, – пометил я. – Ну, с распределением бюджета мы сейчас возиться не будем, это уже финансовой инспекции ближе. Мы его потрясем на предмет банальной кражи. Да, а дьяк-то наш, он что в хранилище делает?

– Пишет, – пояснила Яга, чуть удивляясь моей бестолковости. – Как же можно без дьяка-то? Боярин ли, казначей, а то и сам государь в казну зайти захочет, так дьяк с бумагой да чернилами тут и есть. Записать чего, оприходовать, опись составить, посчитать, жалованье царевым слугам выдавать, да мало ли... Вот Филимон там и трется.

– Уловил. Ну что ж, подруга дней моих суровых, давай следующего.

– Уже бегу, касатик. Сей же час поставлю перед очей твоих ясные.

Хорошая у меня бабка, правда?

Тюря оказался человеком скрытным, размытым. На первый взгляд даже не разберешь, сколько ему лет. Кафтан простой, из хорошего сукна, но не новый. Сам лыс, борода куцая.

Руки мне его не понравились – беспокойные... Пальцы, как белесые черви, так и возятся, ни на минуту не прекращая движения. Когда он вошел и без приглашения сел напротив меня, я нарочито пристально стал рассматривать его лицо, но так и не смог поймать прямого взгляда мутных серых глаз.

– Имя, фамилия, отчество?

– Тюрю... и батюшка мой Тюрю был, и дед, стало быть... Казначей я здешний, не помните? А я вот вас, Никита Иванович, не впервой вижу. Вы, видимо, при дворе-то гость нечастый.

– Допустим.

– Ну, вот я и гляжу, чем же мне лицо ваше знакомо... Вы, случаем, деньги в казну на сохранение под проценты не сдавали?

– Очень интересно... – От неожиданности я даже перестал записывать. Этот тип откровенно пытался всучить мне взятку!

– Вот ведь что я говорил! – обрадовался мой собеседник, обтирая лысину засаленным рукавом. – Только вы тогда спешили очень и роспись в книге оставить запамятовали. Ну, да дело молодое, с кем не бывает... Сколь денег-то в том кошельке было?

– Не помню, – поднапрягся я, едва удерживаясь от жгучего желания кликнуть стрельцов. – Но уверен, что сдавал я не кошелек, а сундучок.

– Точно! Именно так, батюшка... Полнехонький сундучок серебра.

– Золота!

– Смилуйся, отец родной, – аж покраснел от моей наглости взяточник.

– И за три года шестьдесят процентов прибыли!

– Да побойся Бога, сыскной воевода! – подпрыгнув, взвыл казначей. – У нас в Лукошкине отродясь таких процентов не было. И служишь ты у царя не три года, а без малого два месяца. Откуль я тебе такие деньжищи-то возьму?!

– А ну сесть! И не орать на представителя власти! – рявкнул я, хлопая ладонью по столу. Тюрю вздрогнул и заткнулся.

– Все! Хватит провокационной болтовни. Отвечайте на поставленные вопросы коротко и по существу. Когда и от кого вы узнали о краже в хранилище?

– Дык... как не узнать?! Еще ночью стрельцы с постели подняли. Ну, я как есть, в исподнем да босой, – бегом в царский терем, спустился в подвалы, а дверь-то и открыта. Уж я этих охранничков и по шеем, и в рыло, а они одно – знать ничего не знаем! Я заглянул, осмотрел, где что, глядь-поглядь, а сундучка дубового с тремястами червонцами-то и не видать. Как сквозь сырую землю провалился, проклятуший...

– Ваши действия?

– Какие действия?! А... что делал-то? Ну, знакомое дело, перво-наперво двери закрыл и стражам наказал смотреть в оба! Потом уж к батюшке царю пошел с повинной. А его ведь спозаранку и не разбудишь, разгневаться может государь... Пошлет спросонья на плаху, а уж потом, к обеду, одумается. Вот он когда встал, умылся, так я пред его ясные очи и доложил. И то рисковал, надо бы опосля чаю...

– Понял, записал. Кого подозреваете?

– Ты помяни мое слово, участковый, – без нечистой силы не обошлось! – заговорщицким шепотом поведал казначей.

– И что вы этим хотите сказать?

– Закрыл бы ты это дело... Гиблое оно. Раз уж тут нечистым духом пахнет, то человеку вовек не распутаться. Только людей зазря потревожишь да голову буйную под топор сунешь. А ежели на бесов свалить, то государь в обиде не будет, сам понимаешь...

– Понимаю, даже слишком хорошо понимаю... На сегодня вы свободны, гражданин.

– Могу идти?

– Можете. Но на будущее попрошу запомнить – я мзду не беру, мне за державу обидно, – очень кстати ввернул я крылатую фразу из популярного кинофильма.

Тюря встал, поклонился и рванул к выходу так резво, что едва не вписался в косяк.

– Дверь левее...

– Спасибо, батюшка воевода!

– И этот вор, – четко определила бабка, когда казначей вышел вон.

– Это любому дураку ясно. А вот что он в конце насчет колдовства плел? В этом есть какое-нибудь рациональное зерно?

– Ох, Никитушка, говорил бы ты со мной по-русски, я ведь старая уже, иноземных слов не разумею. А вот коли колдовства касаемо, так, думаю, было оно! Нешто без колдовства четверым стрельцам глаза отведешь, чугунные двери откроешь да сундук с золотом вынесешь?

– Эх, бабуля... В мировой практике преступности и не такое бывало. Но будь по-твоему, рассмотрим все версии. Если принять за исходную рассказ казначея, то следует предположить, что кто-то, прикрываясь волшебством...

– Шапкой-невидимкой, заячьей травой, зельем колдовским, кольцом-поворотнем... – пустилась перечислять Яга.

– ...прошел мимо стрельцов, отворил двери, взял сундук с деньгами и был таков. Когда охрана пришла в себя и обнаружила кражу, то двое побежали за казначеем, а двое остались на посту, так?

– Вестимо, так... а чего ж тут не так, батюшка?

– Я осматривал замки. Они были открыты ключами. Не фомкой, не отмычками, не другим инструментом, а именно ключами. Царь Горох носит их при себе. Но вот они на два дня пропали. Вчера нашлись под кроватью. Значит, за это время преступник не только сделал себе дубликаты, но и основательно проверил их в деле. Кто же он? Боярин Мышкин отвечает за охрану, поэтому в самом хранилище ему делать нечего. Он может зайти туда либо с царем, либо с казначеем. А вот казначей по мере надобности одалживает ключи у государя и, следовательно, имеет возможность пошарить в казне в одиночку.

– Ну так вот он, поди, и вор! – поддержала моя хозяйка.

Старушки все считают себя очень умными, потому так скоропалительны в решениях.

– Хорошо бы, но... Если он имел возможность брать ключи почти в любое время, то зачем бы крал их на два дня? Ведь чтобы сделать дубликат, достаточно отпечатать ключ в воске. По оттиску любой кузнец изготовит вам такой же за полчаса.

– И то верно...

– Вот именно, – призадумался я. – А тут еще этот перстень с хризопразом не идет из головы. Камень-то не самый дорогой. Зачем вор стащил перстень?

– Да кто ж их, жуликов, разберет?! Может, глянулся кому, может, ничего поценнее не было, а может, и попросту руки чесались. Вот и спер что ближе лежало.

– Медики утверждают, что есть такая болезнь – клептомания, когда человек чувствует неодолимую тягу к воровству. Многие уголовники даже косят под это дело, но судебно-медицинская экспертиза щелкает их как орешки. Однако мне кажется, что в нашем конкретном случае мы должны искать нормального, психически здорового вора. Так, значит, кто у нас там остался? Дьяк Филимон. Ну-ка, ну-ка, ну-ка...

– Ты что ж это творишь, охальник? Ты кого же это к себе в отделение тащишь?! – над-рывался думный дьяк, размахивая перед моим носом длинным узловатым пальцем. – Я ить не посмотрю, что ты при исполнении... Я-то царю всю правду доложу про твое самоуправство! Ты вон воров беги лови. Нет такого закону, чтоб всех честных людей через весь город силком за шиворот волочь. Нет у тебя таких прав, участковый... На-кася выкуси!

– Ну надо же, – искренне удивился я, как только скандалист окончательно выдохся, – шумит, как мелкий спекулянт при взятии с поличным. Может, еще будем требовать один телефонный звонок адвокату?

– А чего? И будем! – все еще возмущался дьяк, не понявший ни слова, но уловивший суть.

– Сядьте, гражданин. Пока вас никто ни в чем не обвиняет. Вызвали как возможного свидетеля по делу об ограблении государевой казны. Да сядете вы, наконец?!

– Насижусь еще... твоими молитвами... в остроге либо в пубе!

– Невинных не сажают.

– Это ты кому другому расскажи...

– Что? – приподнялся я. – Может, ты хочешь сказать, что царь наш батюшка без вины народец лихой по острогам гноит? Может, тебе политика государственная не нравится? Может, для тебя и царь плохой, а?

– А... у... умн... – начал было думный дьяк, но потерял мысль и сдался: – Царь – хороший!

– Ну, вот то-то же! А теперь успокойтесь и отвечайте на вопросы. Имя, фамилия, отчество?

– Зовут меня Филя. Филимон то есть. Отца Митрофаном Груздем звали, прозвище такое. Коренные мы, не из прибудных. Сколь родню свою помню, все в столице жили.

– Назвался Груздем – полезай в Лукошко, – скаламбурил я и продолжил записи. – Что можете рассказать по данному делу?

– Ничего я тебе не скажу, поскольку басурманин ты и есть!

– А вы знаете, что бывает за отказ сотрудничать с органами?

– Ну какого рожна тебе от меня надо?! – снова завелся дьяк. – Не ведаю я, кто те деньги из казны стащил. Не ведаю!

– А ключи из подвалов кто у царя уволок?

– Не ведаю. Только нашли их вчерась, под кроватью у государя-батюшки.

– Ошибочка вышла – не на то место ключи бросили. Царь Горох с ключами спать не ложится, он их на гвоздике вешает у двери. С чего бы им под кроватью найтись?

– Не ведаю.

– Хорошо, а перстень где?

– Вот ведь прилип, как банный лист к заднему месту! Уж сколь твержу тебе, недалекому, – не ве-да-ю-ю!

– Ладно, гражданин Груздев Филимон Митрофанович... – Я угрожающе привстал и, упревшись обеими руками в стол, тихо, но твердо пояснил: – К завтрашнему утру пригодишь список лиц, в течение последней недели посещавших хранилище, записи разговоров, там записанных, и сумм, там полученных. А сегодня дашь подписку о невыезде. Из города ни ногой!

– А ежели... к бабушке в деревню? – робко заикнулся думный дьяк.

– Только попробуй... Я тебе такую кузькину мать покажу! Ты у меня до старости на нарах баланду хлебать будешь!!! Пошел вон!

– Могу, значит, идтить?

– Конечно, можете, гражданин, – немного остыл я. – Но если вас вызовут еще раз, то постарайтесь впредь быть более лояльным к представителям органов охраны правопорядка.

– Вот те крест, батюшка участковый...

Но когда этот кадр выкатился за ворота, то на всю улицу раздался его дребезжащий голос:

– Тоже мне, важная птица! Да я ему прямо в лицо все сказал... Так правду-матку и резал! Участковый... Знаем мы таких липовых участковых! Ужо найдется и на тебя управа, дай срок.

– Никитушка-а... замаялся поди, милок? – неслышно подкатилась баба Яга. – Давай я самоварчик поставлю. Сейчас чайку с шиповником да мятой выпьешь, и полегчает.

Я молча кивнул. За год работы в отделении подобные допросы не были большой редкостью, но должен признать, выматывает это страшно. Ну а здесь вдвойне. Я же один – и за дежурного, и за следователя, и за оперуполномоченного. Что ни случись – все сюда бегут. Первое время больше по глупостям разным тревожили. Курица у кого пропала, валенок потерялся, муж из кабака пьяным пришел – все ко мне. Думали, я вроде знахаря, гляжу на воду и сразу вижу, где что лежит. Сто раз объяснял; когда дошло, пореже беспокоить стали. К особо пьющим мужикам пришлось на дом ходить с профилактическими беседами. Первое время помогало, а потом опять за свое. В принципе работа как работа. Ничем не лучше и не хуже моей службы в Москве. Жалованье пока платится регулярно, причем только за то, что я вообще здесь сижу. А так каждое дело оплачивается отдельно. Что-то вроде частного детектива. Несколько мелких краж так раскрыли, двух мошенников на базаре разоблачили, ну и еще что-то не слишком крупное... Дело хлопотное, зато конкуренции никакой, один я на все Лукошкино. Да и на все царство-государство один. Султан Тьмутараканский, как через послов своих узнал, что наш Горох себе отделение милиции завел, тоже такое задумал. Но... не вышло у них ничего. Специалистов нет и взять негде, а те стражнички, кого на эту должность посадили, только взятки брать и могли. Так что погорели на корню.

А я и сам тут человек случайный. Оно ведь как все началось... Нас в какую-то деревеньку под Переделкино отвезли на плановые учения. Фикция, конечно, но начальству виднее. Так дернул же меня черт в одну избушку заглянуть! Что-то там мелькало у входа... То ли свинья полосатая, то ли собака с пятячком, то ли вообще коза, но тогда хвост у нее слишком длинный и вроде как с кисточкой. Я капитану говорю, дескать, не могу терпеть, «мокрое дело», сбегая за избушку и назад. Получил добро, а сам схитрил, в дверь зашел. Внутри обычный разгром, паутина, грязь, мусор, наверняка бомжи не раз ночевали. Вот только крышка погребка скрипнула... Ну интересно же!

Полез, дурак... Погреб как погреб. Стены сырые, не видать никого. А в этот момент какая-то зараза крышку и захлопнула! Темно! Страшно! Да и злость в придачу... Это кто ж у нас в стране с младшим лейтенантом милиции такие шутки шутит? Поорал, постучал, слышу, идет кто-то... Открывается крышка, и на меня смотрит Яга. Ну, я тогда с ней еще знаком не был. Выхожу, извините, гражданочка, спасибо за помощь и все такое, глядь, а изба-то не та! Все чистенькое, вылизанное, везде дорожки полосатые лежат, кот здоровенный мурлычет. Я к окошку – мать честная! А там город, как на картинках в учебнике по истории. Меня аж пошатнуло... Спасибо бабке – чаем отпоила, выслушала, в психушку не сдала, а взяла меня под ручку и отвела прямиком к царю.

– Никитушка, что ж ты задумался, сокол ясный? Что ж ты буйну голову повесил? Вон и самовар поспел, давай-ка поужинаем, поговорим, может, я тебе чего и присоветую.

– Спасибо, бабушка Яга. Там у нас Митяй-то еще не приходил?

– Нет, касатик. Да ведь ты ж его вроде сам куда по делам отправил?

– Отправил я его на базар за покупками, а потом велел идти в кабак, смешаться с народом и послушать... Может, что путное и принесет.

– Принесет он, как же... – хмыкнула бабка. – Его бы из кабака кто принес. Ну, с базара-то он заезжал, вон две корзины в сенях товаром да съестным битком набиты. Видать, заскочил, пока мы допрос вели. А сам-то раньше ночи и не покажется. Уж ежели Митька до кабака дорвался – на своих ногах его не жди!

– Он слово давал.

– И десять даст. У каждого мужика своя слабость есть: кто на деньги падкий, кто на баб, а ему лишь бы до чарки дотянуться, а там хоть трава не расти.

– Леший с ним, – поморщился я, – придет, разберусь. Что у нас там на ужин?

После чая мы с Ягой уселись друг напротив друга и по обоюдному согласию решили, что дьяк Филимон тоже вор.

– А кто ж сейчас не вор? Уж коли они все трое при казне обретались, то у всех рыльце в пушку. В пыточную их надо, заплечных дел мастера быстро выбьют, кто сундук-то стащил.

– Это верно... Побоями из человека любые признания выдавить можно. Но я не понимаю, зачем?

– Как зачем? Чтоб деньги возвернуть!

– Я не об этом. Зачем их вообще красть?

– Никитушка, – прищурилась Баба Яга, – а ты у меня не заболел часом? Как это – зачем красть? Ты что ж, не знаешь, зачем воры крадут?!

– Знаю, но я о другом. Положим, что боярин Мышкин, заведующий охраной, может иной раз заскочить в хранилище и тайком от дьяка или казначея сунуть в карман горсть монет. Казначей вполне может запутать всю систему налогообложения, выписать жалованье на фиктивных лиц, подчистить бухгалтерию, добавить лишний нолик, округлить, утрясти – и тоже иметь свой стабильный доход. Дьяк, возясь со всеми бумагами, вполне способен «потерять» ведомость, не сообщить об увольнении со службы, задержать общее жалованье стрельцов на недельку-другую, дав на это время деньги ростовщику, элементарно обсчитать – и будет хорошо жить на проценты. А вполне возможно, что эти трое попросту объединились и крутят свою мафию, покрывая друг друга.

– Ох ты ж, страсти-то какие... – всплеснула руками бабка. – Да ведь их, разбойников бессовестных, всех надо сей же час в острог посадить!

– Увы... все мои логические выкладки – пока только теории. У нас нет фактов, значит, нет доказательств. Для того чтобы выдвинуть обвинения, нужна более детальная проверка всего дела. Тут и ОБХСС работы на три месяца, а царь дал всего неделю. Проблема не в том, что они воры, а в том, что никому из них не выгодно было брать сундук.

– Как так?

– Эх, бабуля... работа милиции в том и заключена, чтобы понять психологию преступника, – снисходительно пояснил я. – Вот мы, например, сейчас доказали: у каждого из трех подозреваемых есть своя кормушка. Но, украв сундук, любой из них сразу перекрывает все! Дело передают нашему управлению, начинаются допросы, слежки, репрессии, усиленная охрана – кому это выгодно? Нашим «тихим» воришкам? Нет... они за годы безупречной службы небось уже по три таких сундучка наворовать успели.

– Ну и умен же ты, батюшка, – восхищенно покачала головой Яга. – Прямо как по книжке читаешь. Да только, прости меня, старую, так мне и невдомек, зачем же они сундук-то сперли? Раз уж через него всю их... эту... мафию?.. вскрыть могут, так ведь им же первое дело, чтоб все было тихо и гладко... А тут казначей бежит к царю, царь гонит дьяка за тобой, ты боярина к ответу волочешь... Где ж выгода?

– Значит, не все так просто, как кажется на первый взгляд... И потом этот перстень...

– Дался он тебе, касатик! Ему и цена-то в базарный день три золотые монеты. Похищено-то в сто раз больше!

– Вот именно... Именно это меня и беспокоит...

– Эй! Кто дома есть? Принимай вашего парня! – раздался пьяный голос, сопровождаемый стуком в ворота.

Я вышел на улицу, охающая бабка увязалась следом. Двое изрядно поддатых мужиков держали под мышки моего «шпиона». Митька же был, попросту говоря, ни-ка-кой! С огромным трудом мы затащили его в сени и бросили там прямо на полу, как тряпичную куклу. Один лишь раз он на мгновение открыл глаза, вперился в меня насквозь пьяным взглядом, узнал и счастливым голосом оповестил:

– Ба-а-тюшка вы-е-в-да! Все узнал... Тс-с-с!

После чего вновь рухнул затылком об пол, безмятежнейше захрапев. Придется отложить его доклад до завтрашнего утра. Пьяные дружки моего напарника попытались было выторговать себе еще на кружечку в благодарность за доставку, но бабка одной улыбкой выпроводила их за дверь. Я, признаться, к ее оскалу тоже до сих пор не привык, но хоть уже не шарахаюсь... Баба Яга не красавица, это общеизвестно, но ее зубы способны бросить в дрожь самого отважного стоматолога. Острые, кривые, желтые, особенно один клык, выползающий из-под нижней губы слева. В общем, пропойцы слиняли, быстро трезвея и лихорадочно крестясь.

Это дело о похищенном сундуке было первым серьезным расследованием, порученным мне Горохом. От него зависела не только моя личная судьба, но и перспектива становления органов правопорядка по всей стране. До меня все функции милиции выполнялись специальными отрядами стрельцов. Они следили за порядком на базарах и улицах, пресекали драки и хулиганства, ловили воров и наказывали виновных. Но ни одного серьезного специалиста непосредственно в области раскрытия преступлений в Лукошкине не было. Убийц искали годами, в случае кражи уповали на помощь знахарей и колдунов, а мошенников, карманников или обычных дебоширов попросту стыдили. Естественно, положительного результата добивались крайне редко. Вы, наверно удивитесь, почему я все только о работе да о работе? Клишированный образ туповатого милиционера, вечно затянутого в форму и не имеющего в голове ничего, кроме пунктов устава... На самом деле я еще в детстве бредил приключениями гениальных детективов: Шерлока Холмса, отца Брауна, Эркюля Пуаро и прочих. Поэтому мой приход на работу в органы не был случайным. Я окончил школу милиции, поступил на заочное в Саратовский юридический и надеялся, совмещая практику и учебу, со временем стать серьезным следователем. Но все вышло так, как вышло...

Где-то далеко, в том мире, у меня остались родители, родственники, друзья, любимая девушка. Если я не буду сознательно и беспощадно загружать себя работой, то, наверно, сойду с ума от тоски и безысходности. Я не могу вернуться назад. Двадцать раз лазил в этот дурацкий подвал, но, вылезая, вновь и вновь оказывался в том же тереме у Яги. Я спрашивал, но она ничего не знает о перемещениях во времени и не может вернуть меня назад. Выхода нет... Надо как-то жить. Меня приняли, поселили, поставили на хорошее жалованье, в общем, отнеслись как к человеку. Я тоже постараюсь сделать для них все, что могу.

– Никитушка! – отвлекла меня Баба Яга, встревоженно поводя длинным носом. – Али я слаба на запахи стала? Али насморк вконец одолел проклятый? Ты не чуешь, будто бы горелым пахнет?

– Ну да, – приняхался я, – есть что-то такое. Может, в печке каша подгорает?

– Так ведь нет там ничего... Да и тянет не оттуда, а с улицы, через окно. Дым-то сухой, древесный. Ты уж глянь, касатик, не пожар ли у кого?

Я неторопливо встал и выглянул в окно.

– Ну как?

– Пожар, – осевшим голосом подтвердил я. – Это мы горим...

Во двор Яга, на что уж старая, а вылетела вперед меня. Полыхала конюшня: огонь захватил весь левый угол и быстро полз по соломенной крыше. Я бросился к дверям, отодвинул засов и начал выводить перепуганных лошадей. Бабка переливчатыми воплями сзывала на помощь соседей. Они откликнулись так быстро и дружно, как никогда бы в моем мире. Но здесь, кроме иных нравов и отношений, действовали еще и чисто практические принципы взаимовыручки. Если огонь успеет перекинуться на соседние дома, то запросто выгорит весь квартал. Когда я вылетел из конюшни, вися на недоуздке нашей рябой кобылы, народ уже вовсю носился с ведрами и баграми. Баба Яга раздавала четкие указания, командуя людьми с завидным боевым опытом. А потом кто-то закричал:

– Люди добрые! Да вот же он... Хватай злодея!

Я развернулся. У задней стены нашего терема скрючилась черная фигура, высекающая искры из кресала. Я оказался ближе всех, и когда обнаруженный поджигатель собрался бежать, то сделать это он мог только через мой труп. В какое состояние он и попытался меня привести...

– Гражданин, вы задержаны за попытку... – больше я ничего не успел сказать, в руках преступника мелькнул узкий засапожный нож.

После долгих лет изнурительных тренировок в спортзале тело автоматически отреагировало гораздо быстрее, чем я сам осознал, что происходит. Его рука попала в мой захват, и через мгновение негодяй уже летел в одну сторону, а его нож в другую. Подоспевший народ кучей бросился на злодея, ногами вымещая на нем всю ярость потенциальных погорельцев. Когда мне удалось отбить у мужиков жертву, было уже поздно...

Час спустя над подгоревшей конюшней вился слабенький дымок. Люди разошлись по домам. Мы с бабкой сидели на крылечке оба усталые, злые, перепачканные сажей и в самом паршивом расположении духа.

– А ведь это из-за тебя, милый друг, нам на двор красного петуха пустили!

– Из-за меня... Кого-то я крупно напугал сегодня. Интересно только, кто из троих мог на такое решиться?

– А мне без разницы! – вспыхнула сердитая домохозяйка. – Завтра же пойду к царю жаловаться. Следствие следствием, но ежели мне по каждому делу будут терем палить, так пушай себе новый дом для отделения ищет. Его, видишь ли, грабят, а мне крышу жгут?! Не пойдет, воевода-батюшка! Ты уж или отыщи супостатов, или съезжай с моего двора в царские хоромы. Пушай лучше его поджигают!

– Ладно... если что-то подобное вдруг повторится, конечно, пункт отделения милиции придется перенести.

– Никита! Чтоб завтра же заарестовал всех троих!

– Да зачем же всех? Надо найти настоящего виновника, – попытался объяснить я. – Если бы мужички с дури своей исполнителя не потоптали, так мы бы сейчас уже знали имя заказчика.

– Если бы да кабы да во рту росли грибы, так и это б был не рот, был бы целый огород! – раздраженно передразнила бабка. – А ну показывай, где он, труп-то?

– Вон, к воротам отнесли. Я за стрельцами послал, пусть заберут в холодную, а утром разберемся на свежую голову.

– До утра еще глаза вытаращишь! – обрезала Яга. – Пойдем посмотрим.

Мы подошли к изувеченному телу поджигателя. Я перевернул его на спину и поднес свечу.

– Ух ты ж! Басурман!

– Татарин? – уточнил я, осматривая безжизненное смуглое лицо, плоский нос, узкие щелочки закрытых глаз и... подпиленные под углом зубы!

– Все они басурмане. А этот не татарин, а шамахан. Шамаханцы завсегда были разбойниками каких свет не видывал. Они и мясо человечье едят! Ну, участковый, уж ежели кто денег не пожалел, чтоб шамахана нанять, то, стало быть, здорово мы их прищучили...

– Похоже на то...

Какая-то неосознанная мысль билась у меня в голове. Вроде бы тяну за ниточку, но боюсь порвать. Мы вызвали на допрос троих физических лиц, имеющих допуск к казне. Последний ушел перед самым ужином. Я убедил себя, что кража как таковая наносила ущерб всем троим и никто из них не имел ни малейшей выгоды от кражи сундучка. Но уже через четыре-пять часов наш терем пытаются поджечь! Я точно знаю, что среди иностранных подворий и торговых рядов в Лукошкине шамаханцы мне не встречались. Если это действительно бандит по найму, то откуда же его взяли за столь короткий срок? Оставалось предположить,

что в самой столице у кого-то тайно скрывался разбойник-шамахан, и его выпустили на дело при первой же надобности.

Но... воровать из казны тихо и понемногу или иметь под рукой собственного уголовника – есть разница? Куда-то не туда меня уводит это простецкое дело об исчезнувшем сундучке...

– Дьяк живет один. Изба у него небольшая. Если б кто у него и прятался, так соседи бы все одно знали, – вслух рассуждала Баба Яга, параллельно подтверждая теорию моих умозаключений. – У казначея дом большой, там и не одного супостата спрятать можно, а только Тюрю привык всего деньгами добиваться. Вот и тебе взятку сулил... Зачем ему кровавого злодея при себе держать?

– Боярин Мышкин, – в один голос определили мы.

Наиболее реальная кандидатура, должен признать. Двор у него на сорок душ. Хозяйский терем, дворовые постройки, сарай, овины, конюшни, бани, избы для прислуги, да мало ли еще чего...

Там хоть штаб террористической организации разместить, никто не узнает. Забор высокий, собаки злые, охранники суровые, и все с дубьем.

– Завтра иду к царю.

– Да уж сегодня, – поправила Яга.

– Значит, сегодня. Пусть выдает ордер на обыск в тереме боярина. Пора переходить к более решительным мерам.

– Меня возьми.

– Зачем?

– Ты, касатик, молод еще. А я своим носом по уголкам да подвалам поразнюхаю – поищу следы колдовской силы. У меня на это глаз наметанный...

– Опять вы за свое? – улыбнулся я. – Сдается мне, все будет не так сказочно, уголовщина – она уголовщина и есть. А вам везде черти мерещатся...

– Чего ж им мерещиться? – в свою очередь хмыкнула Баба Яга и палкой сдвинула с головы трупа драный колпак.

На макушке мертвеца чернели два острых рога! На меня резко напала икота.

– А ты, батюшка, думал, шамаханцы-то – они кто?

– Да... наворошил ты дел... – покачал головой царь Горох, когда наутро я явился к нему с докладом. – Мышкины – они род боярский, древний, особенно худых дел за ними не водилось. Ну а мелких-то грехов у каждого полон короб за плечами. Ладно, дам тебе мою царскую бумагу на обыск. Ищи! Ежели что найдешь – наперед мне доложи, а сам суд не верши. Мягко ты больно... Ты уж лови воров государевых, а судить да рядить я их сам буду.

– Мне нужен допуск к отчетам финансирования, прихода и выплат всех средств, идущих через казначея Тюрю, – напомнил я.

– И на это добро даю. Всех проверяй, да поторапливайся. Раз уж враг таинственный на поджог решился, шамахана нанял, с ножом к тебе подпустил, значит, в нужной стороне ищешь, участковый.

– Бумаги дьяка Филимона тоже требуют основательного анализа.

– Филькина грамота?! И он туда же? А, ладно... – махнул рукой царь, – давай и его до кучи. Проверять так проверять! Чеши всех подряд, авось какую блоху и уцепишь. То, что по мелочи воруют, я и сам знаю. Все воруют... Быть при казне да не украсть?! Но ведь не сундучками, не по триста монет зараз! Возьми десятника со стрельцами и в путь. Бумагу с печатью Парамон даст. У твоего управления милиции велю сегодня же охрану поставить, чтоб разные басурмане препятствия следствию не чинили. Да и ты сам почто безоружный ходишь?

– Милиционер есть представитель законности и правопорядка. Его и без оружия уважать должны.

– Ох, смотри, Никита Иваныч... Народец у нас разный. Нацепил бы хоть сабельку от греха подальше.

– Я подумаю, государь. Разрешите идти?

– С Богом, – кивнул Горох, и я отправился вниз, в канцелярию, к главному писарю дьяку Парамону.

Он быстренько оформил все нужные документы и понесся к царю заверять их печатями и подписью. Я в это время вышел во двор к ожидающей меня Яге. Что можно было сказать насчет моего оружия? Саблей я сроду не махал, фехтованию в школе милиции не обучают. Табельное оружие, типа пистолета ТТ или Дегтярева, нам в тот памятный день не выдавали. У меня не было с собой даже пары наручников и резиновой дубинки, только типовая планшетка на ремешке.

Таскать за собой, на манер стрельцов, тяжеленную доморощенную гаубицу с фитильным затвором и заряжающуюся по пятнадцать минут с дула... Увольте! Я уж лучше похожу так... Разгуливать по Лукошкину с бердышом на плече или рогатиной под мышкой тоже представлялось весьма проблематичным. Потом придумаю что-нибудь...

– Как там царь-то? Не шибко гневался?

– Нет, бабуля. Насчет мелких краж в казне он проявляет прямо-таки философское снисхождение. «Мы все ворует понемногу чего-нибудь и где-нибудь», – несколько перефразируя классика, пояснил я. – Разрешение на обыск выписал, так что теперь дело за малым...

– Батюшка сыскной воевода! – подбежал ко мне перепуганный стрелец. – Царь-государь тебя в покои срочно требует!

– Да что случилось-то?

Мы прибыли к тюринскому особняку через полчаса. Вой стоял на всю улицу! Когда мы входили во двор, бабы голосили так, что на месте покойника лично я предпочел бы воскреснуть. Барабанные перепонки буквально не выдерживали. А тут еще толстая тетка с насурьмленными бровями и распухшим от слез носом бросилась на меня с кулаками:

– Это все из-за тебя, ирод ты участковый! Осрамил, опозорил мужа моего перед всем народом. Вот он, кровиночка, сраму-то и не снес... Накинул петелечку на бревнышко, сунул в нее бедную головушку да и отдал Богу душеньку-у-у-у! За что? За что так честных людей изводишь, басурман?! Что он тебе сделал, аспиду?! Детишек сиротами оставил, меня вдовой безутешной обратил, дом без хозяина бросил, службу важную, государеву, – без верного слуги на разор обрек... Ох, отольются тебе наши слезыньки, сыскной воевода!

– Уймись, дура! – неожиданно грозно рявкнула Яга. – На Никиту Иваныча самого вчерась ночью убийца с ножом напускали, а мой терем огнем жгли. Участковый у нас человек справедливый да совестливый. Ежели нет на твоём мужике никакой вины, так он царю и доложит. А уж государь наш добрый сироток в беде не оставит... Дети за отца не ответчики. А сейчас не голоси, не мешай следствию!

Вдова поперхнулась и безропотно позволила дворовым девкам увести себя в терем. Я дал стрельцам приказ деликатно и без оскорблений осмотреть в доме все.

– Ищите небольшой дубовый сундучок, обитый по углам и на крышке железными узорами. Заодно перетряхните женские украшения – нужен перстень золотой с хризопразом, большой, на мужской палец, камень зеленовато-желтый, овальной формы, придерживается коваными дубовыми листочками. Обо всех обнаруженных тайниках, подвалах или кладках докладывать немедленно. Я буду в конюшне.

Десятник кивнул и отрядил людей на поиски. Мы с Ягой и двумя дворовыми мужиками отправились к месту трагедии. Труп из петли, естественно, был вынут сразу, как только конюх

поутру раскрыл двери. Тело казначея Тюри лежало в доме на столе, но сейчас меня волновало только место самоубийства.

– Вот туточки на балке он и висел...

Тюра выбрал для разрешения споров с жизнью одну из потолочных балок прямо перед входом. С нее свисали вожжи, на которых удавился казначей. Конец вожжей был обрезан, по-видимому во время снятия тела. Я подошел, подпрыгнул, с трудом задев пальцами обрезки вожжей.

– Мужики, а кто обнаружил тело?

– Конюх, батюшка воевода, – поклонились оба.

– Это я знаю. Где он сейчас? Быстро доставить его ко мне.

Когда они ушли, Яга, уважительно цокая языком, указала взглядом на балку:

– А ить ты прав, Никитушка... Казначей-то наш тебе и до плеча не доставал, как же он на такую высоту петлю себе ладил?

– Это как раз вполне объяснимо. – Задумчиво поправив фуражку, я поделился с бабушкой своими соображениями: – Вот лестница в углу, на ней полуподсохшие отпечатки навоза. Если ее приставить к балке, то легко и вожжи затянуть.

– А что ж тогда не так, касатик?

– А это мы сейчас выясним у конюха. Вот его ведут...

– Здравия желаем, батюшка сыскной воевода, – поклонился худющий старик с нечесаной бородой. – Федор я, из бывших стрельцов, а ныне конюх здешний.

Я раскрыл планшетку и приготовился к записи...

– Теперь самое главное. Значит, вы открыли двери?..

– Да, петухи уже пропели. Я на зорьке лошадок водицей пою, так и пошел к конюшне. Дверь открыл, глядь... Висит, сердечный!

– Так, а что, конюшня на ночь не запирается?

– Нет, батюшка. Вот только засов малый, но ить он отворен был!

– Еще бы нет! Получается, что гражданин Тюра пришел сюда ночью, отворил засов, приставил лестницу, наладил петлю, убрал лестницу на место и...

– Повесился, – скорбно перекрестился дед Федор.

– Он высоко висел? – как бы между прочим уточнил я.

– Высоко! – кивнул конюх. – Я-то только ноги и достал. Пришлось бежать, Гришку да Пашку звать, они парни молодые. Один другому на плечи влез, ножиком по ремню полоснули, так и сняли.

– А во что хозяин был обут?

– Да ни во что, босой он был.

– «Босой» – так и запишем. Спасибо, все свободны. Хотя нет... Еще один вопросик. Вот лошади у вас, они в стойлах все привязаны?

– Все, батюшка. Я свою службу знаю. Как вечером заведу, выскребу, вычищу, хвост да гриву расчесу, так в стойло и ставлю. А уздой каждую за гвоздик цепляю. Мало ли какая ночью из стойла выйти решит? Других перебаламутит. Так что уж все привязанные, не сомневайтесь.

Захлопнув планшетку, я поманил Ягу. В дом покойного мы вошли в глубоком молчании.

Каждый думал о своем, но ни для меня, ни для нее уже не являлся загадкой факт скоропалительного самоубийства казначея. Мы столкнулись с грязным и подлым убийством.

– Надо осмотреть тело.

– Надо, Никитушка, надо... Зачем же его убили-то?

– Чтобы мы прекратили следствие. Я почти уверен, что сундучок с деньгами найдут где-нибудь здесь.

– Ох и темное это дело, – вздохнула бабка.

– Да уж, светлей не становится... Хотя круг подозреваемых сузился на одного человека.

Нас сопроводили в небольшую комнатку, где на широком столе лежало накрытое простыней тело «самоубийцы». Я по долгу службы не раз сталкивался с мертвецами, но все равно не могу привыкнуть к виду насильственной смерти. Меня сразу мутит и начинает кружиться голова, хотя я и могу взять себя в руки, не обращая на это внимания.

Баба Яга без малейшего смущения откинула ткань и принялась внимательно изучать усопшего.

– Удушили его сначала шнурком, а уж потом в петлю сунули, – профессиональным тоном судмедэксперта выдала она. – Как тело провисло, то след от шнурка ремнем перекрыло, да не везде. Но это ж какую силу надо иметь, чтоб такого крепкого мужика мертвым на высоту тащить да в петлю совать?

– Посмотрите еще и ноги, – попросил я.

– Ноги? Чистые они: ни синяков, ни грязи.

– Так я и думал... Ну вот и все. Больше нам здесь делать нечего. Надо забирать стрельцов и возвращаться к царю.

Мы вышли во двор. Так и есть! У ног десятника стоял симпатичный дубовый сундучок, из-за которого и поднялся весь шум-гам.

– Ребята в подвале нашли, в уголке стоял.

– Был чем-то прикрыт или стоял на виду? – уточнил я.

– Да вроде на виду... – пожали плечами стрельцы. – Мы как в подвал спустились, так сразу и увидели.

– Угу... ясненько. А насчет перстня как?

– Перстня нет. Уж не обессудь, участковый. Все перетрясли – золотого кольца с зеленым камушком ни у кого не было. Наверно, получше спрятали... Ты уж прикажи вдовицу в пыточную сдать, так она живо про перстенок царский запоет! – дружески предложил десятник.

– Это лишнее, – сухо обрезал я. – Извинитесь перед женщиной за причиненные неудобства и шагом марш за мной к царю.

– Слушаемся, воевода-батюшка!

Всю дорогу в голову лезли самые разные мысли. Версии преступления складывались одна страшнее другой. Факты противоречили друг другу. Убийство казначея не имело никакого логического объяснения. По крайней мере, я его не находил. Равно как и смысла похищения сундучка. Держу пари: сейчас придем в царские палаты, откроем крышку, пересчитаем, и все деньги окажутся на месте. Положим, что в деле действительно замешаны все трое: Мышкин, Тюря и дьяк Филимон. Один из них умыкнул сундук, не поставив в известность остальных. Казначей поднял шум, хотя вполне мог спереть его самолично. Организованное расследование показало, что могут полететь головы. Не в фигуральном смысле, а в прямом. Тогда боярин, сам или по совету дьяка, пускается на поджог управления, а нанятый шамахан бросается на меня с ножом. Узнав о провале, они (или он) решают пожертвовать сообщником и перевести все стрелки на него. Пришли ночью, вызвали условным сигналом. Раз Тюря выбежал на крыльцо босой, значит, шел ненадолго и к знакомому человеку. Потом его задушили, подвесили в конюшне и поставили сундучок на видное место в подвале. Что опять-таки подтверждает версию: по ночному дому шел человек, отлично знающий расположение комнат. Вроде бы все логично... Непонятна только совершенно бессмысленная кража царского перстня. Может, все это блажь? И в действительности никто не брал ключи для изготовления таких же? Перстень валяется где-нибудь в щели у порога. Сундук Тюря сам унес и этой ночью намеревался пустить в дом сообщников для дележки. Или же он пал жертвой обычного шантажа. Кто-то приближенный к государю поймал его на разговаривании казны и пригрозил доносом, если тот не откупится. Разрабатывать новые версии можно было до бесконечности...

Мой доклад поверг царя в глубокое недоумение.

– Не пойму, чего ж ты еще на пустом месте тесто месишь? Ведь сундучок найден?

– Да, государь.

– Деньги считают, вроде на месте все. Казначей наш, видать, как понял, что по нему топор плачет, так с перепугу в петлю и полез.

– Я берусь доказать, что смерть гражданина Тюри была инсценирована. Это убийство!

– Как так? – оторопел Горох. Он вообще мужик головастый, но на веру ничего не принимает, ему только факты давай.

– Дело в том, что при обследовании трупа на шее обнаружены две черных полосы от ремня. Одна узкая, а другая широкая, перекрывающая первую почти по всей длине. Разница заметна лишь на концах. Узкий ремень оставил след вниз, как если бы два человека душили сзади. Широкий ремень, наоборот, оставил следы, вытянутые вверх, так как его оттягивало тело.

– Хм... да мало ли какие синяки на шее могли быть? Может, гайтан с крестом так неловко зацепился...

– Возможно. Однако в конюшне, где якобы повесился казначей, балка с привязанными вожжами находится слишком высоко.

– Мог встать на что-нибудь, – тут же нашелся государь.

– Верно, там есть лестница. Тот, кто ей пользовался, ненароком испачкал ноги в навозе, на ступеньках остались характерные следы. А вот ноги повешенного чистенькие, без всяких навозных пятен.

– Так... может, его жена успела обмыть?

– Хорошо, вернемся к лестнице. Чтобы повеситься, Тюра должен был на чем-то стоять. Ни табурета, ни чурбачка в конюшне не обнаружилось. Та же лестница, если бы он воспользовался ею, не стояла бы аккуратно в углу.

– А вот... ежели... – на минуту задумался царь, которому, похоже, очень понравилась наша своеобразная «игра», – он ведь мог на коня сесть, пятками его толкнуть и повиснуть за милую душу!

– Мог бы, – согласился я, – но тогда указанная лошадь должна была бы послушно вернуться в свое стойло и привязаться уздечкой на крючок.

– Убедил! Твоя взяла. Вижу, что и впрямь по сыскному делу ты разумеешь. Думаешь, что сундучок-то подкинули?

– Думаю, да. Уж слишком легко мы его нашли, словно специально для нас и поставили. Меня больше беспокоит то, чего не нашли...

– Чего именно?

– Следов пребывания на подворье Тюри шамаханского поджигателя. Значит, заказчик не он...

Уже на выходе из царского терема я столкнулся нос к носу с дьяком Филимоном.

– Здравствуйте, батюшка Никита Иванович! Как здоровьице? – любезно раскланялся он.

– А вот здоровье-то мое не очень: то лапы ломит, то хвост отваливается, – неуклюже пошутил я, вспомнив детский мультик.

Лицо дьяка потемнело, он фамильярно взял меня за лацкан кителя и совершенно чужим голосом прошипел:

– Языком поменьше болтай! Не ровен час – всех погубишь... – После чего, увидев приближающихся стрельцов, вновь перешел на ласковый елей: – Ну так дай вам Бог силушки да терпения на такой-то тяжелой службе! До свиданья, батюшка сыскной воевода...

Я сошел по ступенькам во двор совершенно ошарашенный его поведением. Ни такая вежливость, ни такая грубость для думного дьяка Филимона были совершенно не характерны. Конечно, я его мало знаю, но все-таки...

Домой добрались только к обеду. Баба Яга, к моему глубочайшему удивлению, начала бодренько суетиться у печки, а у меня, здорового и молодого, от беготни буквально ноги отваливались. Появился проспавшийся после вчерашнего Митька. Вид протрезвевшего «сексота» был жалок. Начал он, как всегда, с показухи, есть за ним такой грешок. Что ни делает – все как будто Гамлета в последнем акте изображает. Рожа помятая, качается, от самого разит, будто его целиком в спирте вымачивали, а туда же...

– Не гневись, батюшка сыскной воевода! – Митьяй рухнул на колени и начал молча бить поклоны, гулко стучая лбом об пол.

– Кончай комедию ломать, трагик! Почему напился как свинья?!

– Христом Богом прошу, прости, батюшка! Прости меня, дурака немытого, неразумного! Деревенщину-засельщину! Сироту горемычную, необразованную!

– Митька! Ты у меня от ответа не увиливай, рабоче-крестьянское происхождение тебя не спасет.

– Не виновный я, но мне ответ держать! Не мог я не пить, ибо зело подозрительно сие...

– Ты такую фразочку сам смастрячил или подсказал кто? – даже удивился я. По сути парень прав, не пить он не мог. Но мог же не напиваться! – Ладно, вставай с колен, докладывай.

– А доложу я вам, батюшка участковый, страшное дело! – разом отставив в сторону жалостливый тон, поднялась эта орысина. – Как вы и велели, пошел я в кабак. Сел в уголке, взял себе кружечку да ярыжку предупредил, чтоб все выпитое на ваш счет записывал...

– Идиот, – тихо выдохнул я.

Одним махом сорвал всю маскировку. Ну что ему можно доверить после этого?

– А сам сижу себе, да слушаю, да примечаю, да на ус мотаю. Вот дело к ночи, и заваливаются в кабак стрельцы. Не простые, а те, что у самой казны службу охранную несут. Ну, как же их упустить? Я ненароком поближе подсел, а чтоб, значит, подозрений не вызвать, мужиков к себе за стол поманил. Дескать, день у меня был тороватый, гуляю! Вино рекой течет, а ить мне ж еще и слушать надобно... Я наливаю всем...

– Дмитрий, не отвлекайся! Говори короче, что интересного сказали стрельцы?

– Так я, батюшка, об этом и толкую! А заговорили они о покраже в казне, и один промеж них возьми да и ляпни, будто бы в тот вечер сам боярин Мышкин приходил их караул проверять. Поглядел, покричал для порядка и сказал, что у всех пуговицы мелом не чищены. Срам-де для царевых слуг на таком высоком посту. Да чтоб сей же час все за мелом побежали, в порядок себя привели, а он уж тут постоит, их, нерадивых, дожидаясь. Стрельцы – люди подневольные, дунули – рысью, вернулись – галопом. Боярин журит, что, дескать, долго ждет, эвон – вспотел даже. А кафтан-то у него через руку перекинутый! Вот я и смеаю...

– Погоди. Чем дело пахнет, и так ясно. Больше стрельцы ничего не говорили?

– Нет. Зашикали друг на друга, вспомнили, как боярин предупредил, что, мол, ежели царю об их пуговицах известно станет, так он всех на дальние границы пошлет, на заставе печенегов да тьмутараканцев отстреливать. Ясное дело, кому под стрелы басурманские лезть охота? В столице служба не пыльная...

– Ну что ж... – Я привстал. Конечно, парень серьезно провинился, но раздобытые им сведения были попросту бесценны. – От лица командования первого отделения милиции города Лукошкино объявляю тебе благодарность!

Митькины глаза наполнились слезами умиления.

– Батюшка сыскной воевода... Да я... дык... ежели... приказать изволите... живота не пожалею для отечества...

– Будет вам! – несердито прикрикнула бабка, доставая скатерть. – Ты, милоч, берись-ка за топор да молоток. Слышал небось, что ночью-то деялось? Вот и иди конюшню чинить. Участковому пообедать надобно. Иди, иди, понадобится – позовут!

Накрыв на стол, Баба Яга присела напротив, налила себе немного щей и завела со мной неспешную беседу:

– Когда супостата брать-то будешь?

– Как только пойму, зачем ему перстень.

– Дался он тебе! Все ж и без того ясно.

– Наоборот. После показания стрельцов все темней не придумаешь. Боярин, конечно, вор, но ведь не дурак уж до такой-то степени! Если его стрельцы по кабакам такое болтают, то он должен думать, что они на допросе выдадут. Ведь заложат с потрохами!

– Да ты ешь! Не обращай внимания на меня, старую. А все ж таки непонятно...

– И мне непонятно, – прочавкал я. – Если бы их уловка насчет самоубийства прошла, все были бы уверены, что злоумышленник – это казначей. Ему бы приписали и поджог, и шама-хана, и все, что душе угодно. А вот согласно показаниям покойного... – я не поленился и достал планшетку, – когда стрельцы подняли тревогу и он прибежал по вызову – дверь была открыта! Неужели гражданин Мышкин, провернув такую операцию с пуговицами, позабыл элементарно запереть дверь подвала?! Абсурд!

– Да мало ли чего в деле-то не бывает? – поправила меня Яга. – Вдруг и впрямь забыл, а казначей-то прознал от стрельцов, кто ночью приходил, да и стал от воеводы свою долю требовать. Тот его и прихлопнул!

– Вполне состоятельная версия, – вынужденно признал я.

Бабка лихо соображает, дедуктивный метод ловит на лету. Если так и дальше пойдет, то придется ее в штат зачислять. Однозначно.

– К Мышкиным пойдем под вечер. Обыск в доме вряд ли что даст, а вот потолковать по душам, пожалуй, следует.

– Никитушка...

– А?

– Меня-то возьми.

– Ну а как без вас? – улыбнулся я. – Конечно, возьму. Вон из нас какая следственно-оперативная пара сработалась, любо-дорого!

Счастливая старуха полезла на полку за медом к чаю. В этот момент в дверь постучали. Яга сунулась в сени...

– Кто там? Если Митька, то пусть подождет.

За вчерашнюю работу я намерен представить его к денежной премии. Если крышу у конюшни починит...

Хозяйка вернулась в сопровождении щеголеватого мужичка с бегающими глазами.

– Агафий я. Целовальник али ярыжник, как батюшке участковому удобней будет.

– А, кабатчик, значит? – догадался я. – Ну, заходите, с чем пожаловали?

– Дык, – смутился он, доставая смятую бумажку, – за деньгами, стало быть. Должок за вами, господин сыскной воевода. Парень-то ваш вчера пил и друзей угощал...

– Помню. Он предупреждал. Ладно, оплатим, давайте счет.

Увидев его каракули, я на минуту потерял дар речи. Выстроившийся столбик цифр венчала подведенная сумма в... пять золотых червонцев! Но... у меня... у меня же зарплата в десять! Это же... Сколько ж он выпил, пьянь зеленая?! Ну, он у меня... да я ему...

– Ми-и-ить-ка-а-а!!!

Итак, после ужина мы с Бабой Ягой, без всякого стрелецкого эскорта, тихо, пешочком, пошли к терему боярина Мышкина. Митяй получил от меня бурную нахлобучку и в наказание отправился бдильничать за передвижениями думного дьяка Филимона. Зачем? Этого я и сам не мог толком объяснить. Ну, с одной стороны, наш растратчик будет при деле, а с другой... вдруг действительно что-то полезное вызнает?

Мышкинское подворье было не так далеко от нашего, в полчасе ходьбы. Царский терем имел четыре этажа, казначейский два, боярский три. Здесь все, что выше одноэтажной избы, гордо именовалось «терем»! Наш с Ягой был достаточно скромный, в общей сложности на пять комнат. Терем боярина впечатлял шириной, обилием пристроек и качеством ажурной резьбы по дереву. Честно скажу, мастера у них самого высшего класса. Надо – без единого гвоздя, на одном рыбьем клею, такой дом соберут – двести лет простоит без капремонта!

Двор боярина Мышкина был обнесен толстенным частоколом, а за дубовыми воротами надрывались цепные псы. Мы постучали. Ноль внимания! Пришлось повторить, но уже ногой. Тот же результат. И лишь на третий раз из-за ворот раздался суровый голос:

– Пошли вон, а не то собак спущу!

– Пожалуйста, передайте гражданину Мышкину Афанасию Федоровичу, что пришел участковый и хочет с ним побеседовать.

– Не велено никого пущать!

– А если через десять минут он мне не откроет, то через полчаса стрельцы разнесут ворота «единорогами» и доставят боярина в пыточную, где царские палачи будут задавать ему такие же вопросы, что и я, но получать ответ другими методами.

Судя по топоту сапог, бдительный страж бросился за разъяснениями к хозяину. Через пару минут нас впустили. Шестеро здоровенных волкодавов рванулись было к нам, но Яга что-то буркнула, щелкнула зубом, и собаки, прижав уши, поскуливая, отползли прочь. Сопровождавший сторож посмотрел на нас едва ли не с суеверным страхом. Это хорошо, милицию должны уважать...

Боярин встретил нас в горнице, за торопливо накрытым столом:

– А, Никита Иванович пожаловал! Проходи, проходи, сыскной воевода, дорогим гостем будешь. И тебе, Баба Яга, завсегда рады... Милости прошу откусать, чем Бог послал!

Мы сели. Видимо, Бог уважал дом Мышкиных и потому слал не переставая. Слуги с новыми блюдами так и бегали взад-вперед.

– Я ведь к вам, Афанасий Федорович, так сказать, с неофициальным визитом. Побеседовать не торопясь, в домашней обстановке.

– О чем же? – неискренне удивился боярин.

– Да все о том же, о краже во дворце.

– Так ведь обговорили же все, батюшка. Мне стрельцы докладывали, что найдена пропажа-то. Вот ведь дело какое... казначей наш Тюря преставился. Захлестнул, говорят, в конюшне петельку, да и совершил великий грех! Удавился, стало быть... А сундучок-то украденный у него в доме возьми и найдись. Вот оно ведь как обернулось...

Я его не перебивал. Мужiku настолько явно хотелось выговориться, оправдать себя, очернить казначея и побыстрее избавиться от меня, что даже забавно было посмотреть. Яга услужливо пододвинула мне поднос с пирогами, а сама неторопливо клевала по одной свежую чернику. Мышкин ничего не ел, но активно наполнял свою кружку пенистым медом. Когда его треп начал мне надоедать, я задал один простенький вопрос:

– Пуговицы начищают мелом?

Боярин поперхнулся. Хмельной напиток пошел не в то горло, он закашлялся, покраснел и неловко свалил кувшин. Скатерть испорчена бесповоротно...

С трудом отдышавшись, хозяин долго молчал, уставясь носом в стену. Потом глубоко вздохнул и, словно решившись на что-то, подтвердил:

– Мелом.

– Я хочу переговорить с подчиненными вам стрельцами.

– Не выйдет, участковый, – с затаенной злостью откликнулся боярин. – Стрельцы охраняемые только мне поручены. Надо что спросить – скажи мне. Я сам спрошу и тебе отвечу. А ты к моим стрельцам лезть не смей!

– Это почему же? – сощурился я.

– Ох, смотри, с огнем играешь, Никита Иванович! На нас, боярах, вся власть на Руси держится. Не след тебе дальше носа землю рыть...

– Огорчили вы меня, гражданин Мышкин. То в ногах валяетесь, прощения просите, а то угрожаете неизвестно в честь чего. Я ведь к вам по-человечески пришел, зачем на меня давить?

– Вот ты как запел... – встал боярин.

Будучи у себя дома, он вдруг стал хамовато-смелым. Мне доводилось встречать такие типы среди мелкой шушеры «бизнесменов с криминальным оттенком»... Что ни владелец пары киосков на рынке, то вот такой же крутой мафиози. Все зависит от того, насколько он пьян и уверен в собственной безнаказанности.

– Так вот я сейчас кликну своих дворовых холопов да прикажу тебя на конюшне плетью запороть! Ну а ночью мои молодцы тебя через стену сбросят, а то, что останется, волки сожрут. Был сыскай воевода, да весь вышел... Другим наука!

– И как же вы Бога не боитесь? – задумчиво поинтересовался я, в то время как боярин, видимо, истолковывал мое спокойствие как знак смиренного покорства его самодурной воле.

– Бога я не побоюсь! Уж не сомневайся, панихиду по тебе, ироду, сам закажу, а во спасение своей души свечу пудовую поставлю. Два денька попошусь, помолюсь, Господь-то, он милостив... Когда-нибудь простит! А люди честные за твою смерть только спасибо скажут да в ножки поклонятся... Эй, Парашка! – В двери сунула нос конопатая девчушка. – А ну, кликни-ка сюда моих молодцов! Да пусть поторопятся, батюшка сыскай воевода заждался, поди...

Я вопросительно глянул на Ягу, она едва заметно кивнула, потом повернулась к брызжущему слюной хозяину:

– Как со зверя шерсть и шерстинок шесть поднимались ввысь, у дерев вились. Где кора, где листва, а где береста – разомкни уста и сомкни уста!

По-моему, слова я воспроизвожу достаточно точно, вот тональность, музыкальную гамму, мне, конечно, не ухватить. Если действительно есть люди, которым медведь на ухо наступил, то на моих ушах он, видимо, отплясывал.

Удивительно то, что бабка, произнеся такой незамысловатый стишок, быстро шлепнула боярина Мышкина по губам и он заткнулся. То есть смотрел на нас круглыми от изумления глазами, хватал воздух ртом, изображая караса на сковородке, но ничего не говорил. Язык у него отнялся, что ли?

В горницу с шумом и грохотом вломились четверо здоровых лбов, сжимая в руках заостренные колья. Они столпились у дверей, ожидая хозяйских указаний, которых, как вы понимаете, не последовало. Парни наверняка были заранее предупреждены о возможном повороте событий, но уж никак не в эту сторону. Хозяин дома, перебравший меду, после пары неудачных попыток встать, снова плюхнулся на ту же скамью. Его глаза наполнились слезами, он широко открывал рот, тыкал туда пальцем и беспомощно разводил руками.

– Рыбьей костью подавился боярин, – охотно пояснила его жестикуляцию Баба Яга, – так что вы, добры молодцы, берите его под белы ручки да несите в опочивальню, а хозяйка пускай не ленится да за лекарем поспешает. Рыбья кость, она ведь ох как опасна... Не ровен час, и задохнется батюшка Афанасий Федорович.

Холопы послушно кивнули, дружно побросали дреколье и взялись за хозяина. Тот даже мычать не мог, а лишь смотрел на нас умоляющим взглядом.

– Ничего, ничего. Не извиняйтесь, гражданин Мышкин, с кем не бывает? – вежливо добил я. – Вы уж подлечитесь, а там и поговорим. Но на этот раз уже у меня, долг платежом красен! И спасибо большое за разрешение побеседовать с вашими подчиненными. Я доложу царю о таком беззаветном содействии органам...

На выходе из ворот мы встретились с дьяком Филимоном. На сей раз он от нас буквально шарахнулся. На его прыщавой физиономии отразился такой ужас, словно он столкнулся с чертом! Так быстро от меня еще никто не улепетывал. Среди уличной толпы только засаленный колпак мелькал да тощая косица из-под него болталась из стороны в сторону.

– Ну и дела, – проворчал я, снимая фуражку. – А интересно, чего это дьяку понадобилось вечером в боярском тереме? Сплошные загадки... Странный он какой-то сегодня, вы не находите?

– Нахожу, милай, как не находить... – Яга подцепила меня под руку, и сейчас я более всего напоминал великовозрастного внука, выводящего родную бабушку совершать вечерний моцион.

– Мы с ним столкнулись у царя, так сначала он рассыпался в невероятной лести, а потом нагрубил как трамвайный хам. По-моему, он не в себе...

– Да он ли это?

– Не понял... – улыбнулся я.

– Что-то очень мне подозрительно, как он от нас сбежал. Зачем?

– Меня напугался. Он ведь явно спешил к Мышкину. Возможно, не хотел, чтоб мы поняли, что между ними существует связь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.